

Глава 2

В боковом зале было тихо. Казалось, что перед недовольным лицом старой вдовы воздух застыл. Слуги были безмолвны, так же, как и матушка Цинь, Цзисян и другие люди, что были в комнате. Они даже не осмеливались громко дышать.

Цинь Инин подняла голову стоя на коленях на расшитом ковре, чтобы посмотреть на старую вдову. Она медленно произнесла: «Моя приемная мать умирая сказала мне спрятаться в горах, это были ее последние слова. Она сказала, что моя жизнь будет разрушена, если меня продадут. Было бы куда лучше, если бы меня просто растерзали дикие звери».

За этими словами скрывались тяготы и лишения. Она была заветным цветком усадьбы премьер-министра, но была похищена злодеями при рождении и брошена на случайном участке земли. Ей очень повезло, что у нее была добрая приемная мать, но она ушла очень рано и оставила ее сиротой в возрасте восьми лет. В хаосе войны у нее не было другого выбора кроме как спрятаться в горах и выживать там в одиночестве. Она упорно держалась, она полностью испытала горечь и холод этого мира, пока в четырнадцать ее не нашел ее отец.

Как такая девушка могла не вызвать жалость у других? Смог бы кто-нибудь из них шесть лет выживать в пустыне будучи ребенком?

Никто из них не обладал такой уверенностью. Вероятно они не протянули бы и шести дней. Отбросив то, что нужно было искать еду и крышу над головой, не каждый человек смог бы так долго жить в одиночестве. Никто не позаботится о них, если они заболеют, никто не позаботится о них в знойную жару и в лютые холода. Им было бы даже не с кем поговорить!

В конце концов человеческое сердце было сделано из плоти и крови, и многие сердца в этой комнате прониклись к ней нежностью и жалостью.

«Твоя...твоя жизнь была трудна», старая вдова вздохнула и смягчила свой суровый тон.

Цинь Хуэйнин крепко сжала кулаки, когда увидела, что старая вдова прониклась к ней состраданием. Ее ногти впились в кожу и образовали на ладони четыре полумесяца, превращавшихся в кровоподтеки. Однако ее жалкое выражение становилось все более очевидным, из ее опухших миндалевидных глаз начали капать слезы. Она сделала три быстрых шага вперед и обеими руками подняла Цинь Инин. Она гладила своими нежными нефритовыми руками мозолистые ладони Цинь Инин. Цинь Хуэйнин сочувственно сказала: «Младшая сестра, Маленький ручей, ты сильно пострадала».

Это простое имя, Маленький ручей, было тонким напоминанием того, что старая вдова отвергла Цинь Инин. Все в комнате были проникательными и расчетливыми, кто бы не понял этого намека? Некоторые из девушек склонили головы, а другие перешептывались.

Руки Цинь Хуэйнин были липкими и холодными, они напоминали Цинь Инин прохладную кожу змеи. Она моргнула и быстро отдернула руку. Этот человек был враждебно настроен к ней с того момента, как она вошла в эти двери. Похоже именно она была той девушкой, на которую подменили ее. Возвращение Цинь Инин было узурпацией ее положения.

Она знала на какие грязные и темные вещи способны те, кто ведет себя так, ради того, чтобы выжить. Она понимала, что Цинь Хуэйнин была лицемерно вежлива с ней.

Второй мастер Цинь Хань неодобрительно нахмурился и поклонившись подошел: «Старая вдова, было бы хорошо оставить Инин и ее прозвище, маленький ручей. Это проявление нашей

благодарности ее приемной матери, которая восемь лет воспитывала ее. Но у нынешнего поколения дочерей Цинь есть слог Нин в именах, будь то Цзянин, Хуэйнин, Шуаннин, Аннин, или Баонин. Исключений нет. Не говоря уже о том, что старший уже дал ей имя – Инин. Если старая вдова...»

«С каких это пор младшие обсуждают мои решения? Я так стара, что уже потеряла власть над семьей!? Или вы отвечаете за семью Цинь?»

Хоть Цинь Хань и был первенцем третьей ветви семьи, он был рожден наложницей. Старая вдова не любила детей от наложниц и, естественно, не любила и Цинь Хань. Ее выражение лица было таким, каким оно должно быть при таких обстоятельствах, но он чувствовал, что она хотела вышвырнуть его в окно.

Вторая жена Мэн подошла к Цинь Хань, и потянула его за рукав, чтобы напомнить, что не стоит напрямую выступать против старой вдовы. Однако Цинь Хань обладал сердцем героя, его упрямый характер вспыхнул, чтобы противостоять необоснованным уколам старой вдовы: «Хоть Инин и выросла в сельской местности, в конце концов она дочь старшего дядя! Любой, кто не слеп может сказать это с первого взгляда. Никто не сомневается в ее личности, так почему же сомневается старая вдова?»

Старая вдова поджала губы и с яростью крикнула: «В этом мире много людей похожих друг на друга! Каждый, кто похож на твоего старшего дядю дитя семьи Цинь?»

«Старая вдова, в глубине своего сердца вы прекрасно знаете, что Инин – это ребенок, которого тогда украли враги старшего дяди! Никто из нас не говорит о том, что будет с Хуэйнин после того как вернулась Инин, вы из-за этого так нервничаете? Вы смогли искренне полюбить девушку с неизвестным прошлым, так почему вы не можете полюбить родную внучку?»

Цинь Хуэйнин покраснела словно свекла при словах «неизвестное прошлое». По ее щекам заструились два ручейка слез. Она всхлиывая бросилась в объятия старой вдовы: «Бабушка, это внучка виновата».

Старая вдова чувствовала, как она плачет, как дергается ее нос, она гладила Цинь Хуэйнин по спине: «Не плачь моя Хуэйнин, бабушка не даст никому ничего с тобой сделать».

Казалось, что остальные хотели отослать Цинь Хуэйнин. Тем не менее, все знали, что все это лишь из-за старой вдовы, они смирились с этим зрелищем.

Самая старшая жена Яо подошла и произнесла несколько умиротворяющих слов: «Младший шурин, подумай о старой вдове, тебе следует меньше болтать».

Вторая жена снова схватилась за рукав Цинь Хань, намекнув на то, что ему нужно меньше говорить, чтобы другие не начали не любить его еще сильнее. Однако Цинь Хань быстро отклонил все это. Он снова заговорил, но на это раз уже другим тоном: «Просто это слишком несправедливо, вы живете в усадьбе премьер-министра, не заботясь о еде и одежде благодаря ей! Сейчас вам стоит благодарить ее, а не нападать на нее с копьями».

Цинь Хуэйнин подняла свои наполненные слезами глаза, чтобы посмотреть на Цинь Хань, у нее было пепельное лицо. Цинь Хань продолжал: «Войны повсюду, нация в опасности. В городе Лян девять из десяти домов путы, эта картина просто поражает! Если бы все увидели это, то поняли бы через какие трудности пришлось пройти Цинь Инин! У меня такое чувство, что после этой поездки половина моего сердца замерзла, и я восхищаюсь храбростью Цинь Инин, которая помогла ей выжить. Что говорить, если бы кто-то из вас оказался в такой ситуации, то

на ваших могилах уже была бы трава высотой в три фута! Мы просто с радостью должны признать, что нашли часть нашей семьи. Весь народ может сгореть в огне через несколько дней, но по крайней мере, мы умрем вместе, как семья!»

Цинь Хуэйнин покраснела еще больше: «Это я украла жизнь младшей сестры, Маленького ручья. Это моя вина!»

Цинь Хань закатил глаза и скривил губу, когда услышал это.

«Достаточно, младший брат, ты всегда слишком много говоришь», Цинь Юй вмешался, пока Цинь Хань на продлил свой монолог.

Старая вдова обняла одной рукой Цинь Хуэйнин и теперь была так разъярена, что ткнула в Цинь Хань пальцем с изумрудным перстнем и сказала: «Ты мерзкий выродок! Я сказала лишь слово, а ты выдал такую тираду, чтобы причинить мне боль!»

«Я знаю, что старая вдова печалится каждый раз, когда видит меня, поэтому я просто уйду из вашего поля зрения!»

«Тебе лучше держаться как можно дальше!»

Цинь Хань фыркнул и развернулся, схватив свою жену, чтобы увести ее вместе с собой.

Старая вдова настолько рассердилась, что хлопнула ладонью по маленькому чайному столику рядом с ней, крича с покрасневшим лицом: «Выродок! Выродок! Уходи и не возвращайся больше!»

«Пожалуйста, бабушка, успокойтесь», доносился голос Цинь Хуэйнин: «Второй двоюродный брат всегда был прямолинейным и упрямым человеком. Он не сказал ничего плохого, это я недостойна».

Старая вдова не могла держать свои эмоции под контролем после слов Цинь Хуэйнин. Они крепко обнялись и всхлипывали, другие девушки тоже плакали. В комнате долгое время царил беспорядок.

Цинь Инин смотрела со стороны, свет в ее глазах медленно исчезал. Эти люди в богатой одежде красного и бледно-зеленого цветов, украшенные золотом и нефритами, будто бы жили в другом мире по сравнению с ней. Они стояли перед ней, но заставляли ее чувствовать, что они очень далеки. Если бы сейчас на улицах страны было время мира и покоя, то она бы просто ушла. Она бы предпочла провести свою оставшуюся жизнь в спартанских условиях, по крайней мере она была бы свободна.

Но Цинь Инин не хотела этого признавать! Это был ее дом! У нее наконец была семья, а теперь ей нужно было отказаться от того, что по праву принадлежало ей? Ее вторая старшая двоюродная сестра сказала, что ее мать все еще жива.

Матери всегда любили своих детей. Ее приемная мать любила ее изо всех сил, хоть и не она родила ее. Если приемная мать могла быть такой любящей, тогда ее настоящая мать должна любить ее еще сильнее. Цинь Инин взволнованно оглянулась и посмотрела на хмурящегося Цинь Хуайюань. Она с опаской спросила: «Отец, где моя мать? Почему я не вижу ее?»

Цинь Хуэйнин вскинула голову, чтобы посмотреть на Цинь Инин. Цинь Хуайюань махнул рукой и подал слабый знак, чтобы позвать Цзисян: «Идите и попросите Старшую госпожу прийти».

Цзисян отступил, подтвердив приказ. Цинь Инин больше не наблюдала за реакцией старой вдовы и остальных, вместо этого она смотрела на дверь. С детства она знала, что была ребенком, которого выкинули на улицу. Она каждый день мечтала и в этих мечтах представляла, как выглядит ее мать. Теперь, когда она собиралась встретиться с ней, ее руки стали липкими от пота, даже несмотря на то, что в столь тяжелых для жизни условиях она научилась контролировать свои эмоции.

В этот самый момент стал доноситься рассеянный шум шагов. Молодая служанка сделала объявление: «Старая вдова, Старшая госпожа, вторая госпожа и третья жена прибыли».

Тяжелые шторы поднялись и показали красивую женщину средних лет, одетую в светло-фиолетовое платье с капюшоном, на ней был легкий плащ. Золотая шпилька с фениксом, украшенная множеством камней, покачивалась в ее волосах, когда она зашла. Она остановилась, ее глаза были опухшими от слез, она сразу же взглянула на Цинь Инин.

Кулаки Цинь Инин крепко сжались, когда она инстинктивно сделала два шага, вперед не отрывая глаз от этой женщины.

Их глаза встретились. Никто не должен был ей ничего говорить, она знала, что эта женщина была ее матерью.

«Ты...», Ни Сан медленно подошла к Цинь Инин, казалось, что ее тело весило тысячу тонн. Она подняла дрожащую руку и потянулась к лицу Цинь Инин.

Наконец на глазах Цинь Инин появились слезы, когда она пробормотала: «Мама». Она подняла обе руки и бессознательно сделала шаг вперед.

Ни Сан прикрыла рот и начала плакать, качая головой: «Невозможно, невозможно! Ребенок, которого я воспитывала все эти годы не мой ребенок, как это может быть?»

Цинь Хуэйнин тут же бросилась к ней в объятия с красными глазами. Она начала громко кричать: «Мама, твоя дочь тебя подвела! Твоя дочь недостойна твоей любви! Твоя дочь заняла место Маленького ручья, но я не хотела! Я действительно не хотела!»